Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческій романъ Лонгуса. Переводъ Д. С. Мережковскаго. С.-Петербургъ 1896 (160 стр.).

Книжка г. Мережковскаго по вѣшнему виду представляетъ пріятный контрастъ съ разобраннѣмъ нами выше переводомъ г. Мияскаго. Печать и исправность набора очень хороши. Самый трудъ распадается на двѣ части: первая, составляющая введение къ переводу, занимаетъ 42 страницы и озаглавлена такъ: „О символизмѣ Дафниса и Хлои“, вторая представляетъ переводъ всѣхъ четырехъ книгъ пасторала (стр. 45—160), съ неизбѣжными урѣзками мѣстъ, оскорбляющихъ литературный вкусъ современнаго читателя. Статья г. Мережковскаго написана въ очень приподнятомъ тонѣ и представляетъ собою скорѣе лирическое, чѣмъ критическое или историко-литературное произведение. Съ этой точки зрѣнія можно бы было оставить „символизмъ Дафниса и Хлои“ безъ подробнаго разсмотрѣнія въ критической замѣткѣ, если бы г. Мережковскій не касался мимоходомъ вопросовъ историко-литературнаго характера и классической литературы вообще.

Желая помѣстить дату пасторала, авторъ отдѣляетъ для нея промежутокъ между Маркомъ Авреліемъ и Θεодосіемъ Великимъ, определяя этотъ промежутокъ въ цѣлыхъ семь вѣковъ и представляя Θεодосіа жить въ IX вѣвѣ (sic!). Жаль, что г. Мережковскій по вопросу о приблизительной датѣ „Дафниса и Хлои“ не взглянулъ въ книгу Роде о греческомъ романѣ, и что онъ началъ свой трудъ съ такой грубой хронологической небрежности. Впрочемъ, дата переводчика и не интересуетъ: ему важнѣе лишь несомнѣнный для него фактъ возникновенія поэмы въ переходную эпоху. Съ этой точки зрѣнія пастораль прежде всего и разсматривается: по мнѣнію г. Мережковскаго ея авторъ не эллинь, а эллинистъ (стр. 8), и „быть можетъ, одинъ изъ этихъ эллинистовъ, окружавшихъ Юліана, одинъ изъ этихъ утонченныхъ и одинокихъ(?) мечтателей, безнадежно влюбленныхъ, даже не въ бездыханное тѣло, а только въ прекрасную тѣнь умершей Элады (9)“. Произведеніе Лонга особенно близко намъ, потому что мы также живемъ на перевалѣ, въ ожиданіи новой эпохи Возрожденія, которая отмѣчается современнымъ символизмомъ, а символизмъ г. Мережковскій называетъ первымъ смутнымъ лепетомъ ожидаемаго Rinascimento“ (стр. 13).

Въ ряду сопоставленій выдвигается параллель между Лонгомъ и флорентійскимъ кватрочентистомъ Боттичелли, сопровождаемая весьма схематичными характеристиками этихъ двухъ художниковъ. Къ сожалѣнію, при сравненіи г. Мережковскій терять чувство мѣры, и параллель, выигрывая въ лирическомъ одушев-

лени, проигрываетъ въ опредѣленности и логической цѣнности. Вотъ для примѣра двѣ выдержки изъ сопоставленія Лонга и творца пресловутой „Весны“: „Быть можетъ, нѣтъ книги болѣе сладострастной, чѣмъ „Дафнисъ и Хлоя“, такъ же какъ нѣтъ картинны болѣе сладострастной, чѣмъ рождающаяся изъ моря „Венера“ Боттичелли. А между тѣмъ и здѣсь и тамъ — какая весенняя непорочная свѣжесть, какое незнаніе грѣха, какое дѣтское и непобѣдимое цѣломудріе“. „Какъ будто повѣсть IV в. и живописецъ XV — утонченные демоны-обольстители, предлагающіе намъ вкусить отъ запретнаго плода новой красоты, новаго грѣха, соблазняютъ насъ, оставаясь невинными, соблазняютъ насъ нехотя и нечаянно“ (15 стр.). Много говоритъ еще г. Мережковскій по поводу „болѣзненной утонченности слишкомъ поздней культуры“ и признакахъ вырожденія въ „Дафнисъ и Хлоя“. Но, въ нашемъ удивленію, все на сказанное, какъ оказывается, не касалось „здороваго крѣпкаго ядра поэмы“ (22 стр.) и выходило, что авторъ всю первую половину своего введенія посвятилъ на толки „не о сущности, а объ оттъянкѣ, о первомъ намекѣ, о первомъ проблескѣ того страннаго, сумеречнаго, двойственнаго“ и т. д. и т. д. (22 стр.).

Г. Мережковскому, поставившему эпиграфомъ для своей книжки слова Гёте, очевидно, было необходимо отыскать въ творенія Лонга иную, не декадентскую, здоровую сущность: взглядъ Гёте на пастораль не имѣетъ ничего общаго съ первыми 22 страницами введенія къ переводу. Кстати объ этомъ взглядѣ. Не слѣдуетъ ли въ отзывѣхъ великаго поэта, передаваемыхъ Эйверманомъ, отнестись часть если не содержанія, то пафоса, на долю секретаря? Какъ ни склоненъ былъ Гёте преувеличивать достоинства литературныхъ произведеній, но для насъ остается подъ сомнѣніемъ, что онъ точно „не видитъ ни одного недостатка въ этой классической книгѣ, советуя намъ — и не безъ глубокаго основанія — искать въ ней поученія, т.-е. высшей мудрости эллиновъ“ (32 стр.). Приравниваніе Лонга, этого претенціознаго софиста, Гомеру, особенно послѣ краснорѣчиваго сопоставленія его съ Боттичелли, кажется мнѣ просто неловкимъ комплиментомъ: точно у Гончарова, въ „Литературномъ вечерѣ“, гдѣ одинъ святскій гость хвалитъ прослушанный романъ: „C'est divin! C'est Homère, double de Tasse!“

Едва ли многіе согласятся и съ нижеслѣдующимъ: „Съ вѣчно новымъ и новымъ изумленіемъ перечитывая нѣкоторыя простѣйшія (?) описанія простѣйшей (?) природы у Гомера и Лонгуса. чувствуешь безнадежность, какъ передъ совершенствомъ самой природы, такъ что у современнаго художника руки опускаются. и еще долго потомъ послѣ сладкаго не хочешь горькаго, послѣ этихъ описаній всѣ попытки изобразить словами вѣншій міръ.“

даже у величайшихъ новыхъ поэтовъ, кажутся блѣдными и грубыми“.

Нельзя спорить противъ чувства удивленія, испытываемаго г. Мережковскимъ, но едва ли многіе восхищаются „описаніями природы“ у Гомера, особенно простѣйшими — они заключаются въ эпитетахъ и эпитетныхъ формулахъ. Вообще же созерцаніе природы у Гомера можетъ быть названо „миѳологическимъ“; являясь въ лицѣ Аполлоновъ, Посейдоновъ, Фетидъ, Ксановъ, природа выплываетъ у него въ одушевленности и близости къ человеку, но при этомъ несомнѣнно загромождается: въ проходящемъ передъ нами нѣтъ ни перспективы, ни ландшафта, ни красота.

Очень жаль также, что г. Мережковскій повторяетъ въ своемъ очеркѣ шаблонныя характеристики Гомера и эллинскаго творчества вообще, въ родѣ слѣдующихъ: „юношеская, неувядаемая свѣжесть Гомера“ (32 стр.) или „Онъ не искали, не думали, не скорбѣли, какъ мы, и отъ рожденія, но по какому-то счастливому дару боговъ, знали мѣру вещей, ту золотую мѣру всего, которую мы называемъ красотой“ (33 стр.). Пора, наконецъ, признать, что за Гомеромъ была многовѣковая культура Азіи и Египта и что гомеровскіе боги имѣютъ очень длинную родословную. Пора прекратить и утвержденіе, будто поэты и художники грековъ „не искали, не думали и не скорбѣли“, а все получали благодаря какому-то чисто дурацкому счастью, въ родѣ того героя русскихъ сказокъ, у котораго алмазъ въ лобъ вѣдланъ. Неужто ни Гесиодъ, ни Архилохъ, ни Еврипидъ „не думали и не скорбѣли“? Неужто же эллинская поэзія была такъ разобщена съ философскою мыслью, которая произвела диалоги и мѣты Платона?

Последнюю часть введенія г. Мережковскаго составляетъ его разсужденіе о замыслѣ повмы „Дафнисъ и Хлоя“. По мнѣнію нашего автора, она „не что иное, какъ одна хвалебная пѣснь могуществу любви“. Приводя слова Филеты (Филетаса, какъ пишетъ г. Мережковскій), характеризующія бога любви (II, с. 7), г. Мережковскій считаетъ ихъ, по вдохновенному лиризму, подобными лучшимъ хорамъ Софокла и Эсхила. Вотъ пресловутыя фразы Лонга: „Дѣти, любовь есть богъ, юный, прекрасный и окрыленный. Вотъ почему любить онъ юность, летаетъ за красотой и окрыляетъ душу. Такова сила его, что даже сила Громовержца не можетъ съ нею равняться. Онъ царствуетъ надъ стихіями, онъ царствуетъ надъ свѣтлами. Онъ царствуетъ надъ прочими богами съ большею властью, чѣмъ вы надъ ващими козами и овцами. Вся цвѣты созданы любовью и любовь, вызвала на свѣтъ изъ нѣдръ земныхъ растений. Любовью дѣлжутся рѣки, любовью дышатъ вѣтры. Я ви-

дѣлъ влюбленнаго быва: онъ ревнѣлъ, какъ ужаленный оводомъ“... Неужто же переводчикъ пасторали серьезно сравниваетъ это „общее мѣсто“ эротической прозы хотя бы съ дивнымъ хоромъ въ честь того же бога любви въ „Антигонѣ“ Софокла (781 аѳф.)?

По поводу любви г. Мережковскій пишетъ очень много красивыхъ фразъ, мало связанныхъ съ разбираемой пасторалью и предыдущимъ разсужденіемъ. Началъ съ признанія въ „Дафнисъ и Хлоѣ“ глубокой раздвоенности греческаго decadence, авторъ посредствомъ длиннаго ряда предложеній приводитъ насъ къ слѣдующему нѣсколько неожиданному выводу: „Есть еще одна особенность, которая дѣлаетъ эту поэмѣ доступной намъ и близкой, — я разумно возвращеніе къ природѣ отъ илдеиэрія, или п условностей культуры“ (стр. 38). Интересно бы была параллель Дафниса и Хлоѣ съ любимымъ намъ волшебнаго сада въ *La faute de l'abbé Mouret*. Въдѣ если стать на точку зрѣнія г. Мережковскаго, то и авторъ Assolviat'a окажется, пожалуй, призывающимъ насъ „въ дову природы“.

Въ заключеніе моихъ замѣтокъ о введеніи г. Мережковскаго я укажу на одно по-моему совершенно вѣрное его замѣчаніе о Лонговой пасторали: „Если бы Лонгусъ могъ прочесть то, что я о немъ пишу, онъ, вѣроятно, очень удивился бы, не понялъ бы, а если бы и понялъ, то сказалъ бы, что въ его произведеніи ничего подобнаго нѣтъ, что онъ желалъ только написать пастушескую пѣсню во вкусъ Феокрита (разбивка рецензента) обычный романъ съ памятнымъ знакамп, съ покинутыми найденными дѣтьми, какіе тогда писались во множествѣ. И авторъ былъ бы въ значительной мѣрѣ правъ“ (стр. 22).

Это уже третья по счету точка зрѣнія г. Мережковскаго на пастораль Лонга и во всякомъ случаѣ самая естественная. Я думаю, что г. Мережковскій былъ бы правъ, если бы дѣйствительно проче посмотрѣлъ на произведеніе Лонга, ознакомившись по книгѣ Rohde съ характеромъ греческихъ романовъ, и затѣмъ болѣе опредѣленно разнѣлъ свои мысли о вырожденіи и упадкѣ культуры и творчества эллинизма, въ связи съ характеристикой самой пасторали. Не полагая краеугольнымъ камнемъ своихъ разсужденій восторженнаго отзыва Гёте, нашъ переводчикъ, вѣроятно, не просмотрѣлъ бы крупныхъ художественныхъ недочетовъ поэмы: онъ замѣтилъ бы 1) вялость разсказа и риторическую бѣдность и сухость стили (см. выписки у Rohde 519. въ примѣчаніи: *ὄρη θηροτρόφα, πεδία λιροφόρα, γήλοφοι κλημάτων, τοιαῖ ποιμάτων; ἀρεῖς ἐοικωτῶν ἐν τοῖς ὄρεσιν, ἐβόμβουν ἐν τοῖς λινοῖσι μέλιται, ἐν ταῖς λοχηαῖς κατῆθος ὄρνιθες*); 2) маверность и слащавость въ изображеніи лицъ (особенно это замѣтно на Хлоѣ: дѣвушка, созрѣвшая для брака и

выросшая среди природы, первый раз в жизни слышит его III, 22; на это обратил внимание Роде). Рядомъ съ этой дѣланной известностью Хлои, въ Дафнисѣ, такъ же какъ въ Филетѣ и Ламонѣ, проглядываетъ сюжетъ: онъ пользуется великимъ случаемъ, чтобы дать урокъ, разсказать мифъ (Дафнисъ I, 27; III, 28; Филета II, 7; Ламонъ II, 34). — приемъ мало художественный во всякомъ случаѣ. Отъ дѣтскихъ игръ переодѣтанъ сюжетъ съ являющейся горожанкой и уроковъ любви (II, 10; III, 14, 18; IV, 12) вѣсть чѣмъ-то советамъ не боттичеллескимъ: они представляются намъ развращенными попытками, при помощи которыхъ риторъ дразнилъ воображеніе своихъ пресыщенныхъ читателей. Не даромъ же и русскій переводчикъ былъ вынужденъ замѣнить точками мные перлы Лонговой поэзии.

Какое различіе въ этомъ отношеніи между Лонгомъ и Боттичелли. Въ маскарата Дафниса и Хлои и въ рѣшительно ничего загадочнаго — намъ живо рисуется тотъ міръ, въ которомъ вращалась ваявшая Лонга, этого Catulle Mendès'a древности, а олоrentійская Юдифь Боттичелли стоитъ передъ нами до сихъ поръ прекрасною тайной, и это действительно созданіе сумеречной, переходной эпохи.

Переводъ г. М. читается легко, и слогъ его очень изященъ; но мнѣ кажется, что русскій переводчикъ нѣсколько подлетилъ оригиналу усердной ретушечкой: случайные плеоназмы стерты.

Отличу нѣсколько неточностей, сравнительно съ текстомъ.

Во вступленіи (стр. 45): „Источникъ питалъ и дѣвты и деревня“. Пропущено: *μία* (однимъ)... *δαττα* (весъ). На стр. 46: „Свободными и мудрыми“ — въ подлинникѣ *βοδρότοις* (цѣломудренными). Въ 3-й главѣ I кн. *χοιρικός* переведено по-сельски. Въ 4-й главѣ I кн. пропущено имя пастуха (*Δρῖας το βροια*). При изображеніи нимфы въ той же главѣ оставлено безъ перевода *ῥοια χερὶ ῥοια*, а *χορη* неточно передано словомъ доковы. Въ 5-й гл. I кн. *δαρυ ἀνθρώπιτος* неверно переведено съ материнской нѣжностью, какъ будто овца проявляетъ въ явнѣтѣхъ не материнскую нѣжность. Въ той же главѣ язва ли хорошо переведено *ἀλοδύρομετῆς* выраженіемъ вытирала языкомъ, а *μίτρα* (мягкій головной уборъ, вѣроятно въ родѣ нашего вулканнаго чепца) золотомъ сѣткою. Въ 7-й гл. I кн. слово *οὐραρῶν* (= *venusto*) неверно переведено блаженному. Въ 11-й гл. I кн. слово *βουχίαι* (обхватъ) напрасно оставлено безъ перевода (въ одну оргію). Въ 13-й гл. I кн. то *δοτρός* переведено воды ручья, а *τὰ ῥότια* — плечи. Въ 15-й гл. той же книги и въ дѣлѣ Доркионъ называется Даркиономъ, а вместо слова (*βία*) слонить почему-то вѣтростью. Въ 16-й главѣ читаемъ: „волосы мои бѣлокуры, подобно волосу, ожидающему

серпа" — вмѣсто золотисты (λεπτός), а слова и толстъ прибавлены. Въ 18 гл. I кв. слово *ἀκραιφές* (про цвѣты) нехорошо переведено блистать, а въ 25-й — уста (το στόμα) для чего-то заменены грудью (по отношению къ дыханію Хлом это уже совѣтъ нехорошо). Въ 27-й гл. I кв. поставлены три слова рѣзые в буйные вмѣсто одного леракіе (*αυρόμαχοι*), а въ 27-й гл. III кв. слово *λεβύχην* (обезьяной) почему-то передано словомъ уродомъ.

Въ заключение я долженъ повторить, что переводъ читается очень легко, напоминая извѣстномъ слога классическій переводъ Поля-Луи-Курье.

И. Анненскій.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ. — П. Вергилій Маронъ. Пѣснь IV. Съ введеніемъ, примѣчаніями и 16 рис. Объяснилъ С. Гинтовтъ. Въ двухъ частяхъ. Изданіе второе. С.-Петербургъ 1896.

Отъ автора школьнаго комментарія мы не требуемъ, конечно, чего-либо новаго и оригинальнаго при объясненіи извѣстнаго писателя, мы въ правѣ только ожидать, что онъ съ умѣньемъ и знаніемъ воспользовался тѣмъ матеріаломъ, который уже имѣется въ научныхъ изданіяхъ. И отмѣчаемый комментарий къ IV пѣсни Энеиды показываетъ, что составитель его основательно изучилъ изданія Форбигера, Вагнера-Гейне, Ладенлга, Каппеса и др. Затѣмъ комментарий долженъ, не давая ничего лишняго, безъ объясненій понятнаго, помогать ученику при домашнемъ приготовленіи перевода и при пониманіи такихъ мѣстъ, съ которыми ему безъ помощи не справиться, т.-е. комментарий долженъ, съ одной стороны, не убивать самостоятельности въ ученикѣ, а съ другой стороны, по возможности, стараться избавить его отъ необходимости прибѣгать къ подстрочнику. И въ этомъ отношеніи опытность составителя позволила ему соблюсти всюду должную мѣру. Впрочемъ, безъ всякаго ущерба для дѣла могли бы быть выкинуты изъ комментарія такіе мѣста, какъ объясненія къ ст. 17, 24; переходъ ст. 32 *cola* — въ одиночество; ст. 56 *principio* — прежде всего; ст. 81 *quodam* *voluptas* — побуждаютъ ко сну; ст. 82 *domo* *vasa* — въ отсутствіи домъ; ст. 83 *illum*, т.-е. Энея; ст. 127 *Numenaeus*, объясненное уже въ ст. 99; ст. 434 *dolere* — переносить горе, страдать; ст. 524 *per terras* — во всѣхъ странахъ; ст. 555 *carpere*, объясненное уже въ ст. 322; ст. 574 *citi* проворно; ст. 673 *exterrita* — приведенная въ ужасъ; ст. 687 *vinus* — грудь, ст. 30, и т. д.

Съ другой стороны къ ст. 1 и сл. недостаточно выяснена